

УДК 338 (430)
ББК 63.3 (4Герм)

Г.Г. Попов

*Московский технологический институт,
г. Москва, Российская Федерация*

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ПОРЯДОК ПРИ НАЦИСТСКОМ РЕЖИМЕ В ГЕРМАНИИ: СОЦИАЛИЗМ, КЕЙНСИАНСТВО ИЛИ КОНСЕРВАТИЗМ?

Аннотация. Статья, посвященная экономической истории Германии в межвоенный период, делает акцент на экономической политике во время перехода от Веймарской республики к нацистской диктатуре. Автор доказывает, что экономическая политика нацистов не имела ничего общего с появившейся на Западе в 1930-е гг. теорией Дж.М. Кейнса, обладая лишь внешним сходством с кейнсианством, присутствовавшим в политике социал-демократического правительства Веймарской республики.

Ключевые слова: Веймарская Германия, Великая депрессия, экономическая политика, тоталитаризм, экономическое развитие Германии, капитализм.

G.G. Popov

*Moscow Technology Institute,
Moscow Russian Federation*

ECONOMIC ORDER DURING THE NAZI REGIME IN GERMANY: SOCIALISM, KEYNESIANISM OR CONSERVATISM?

Abstract. The article reviews the economic history of Germany in inter-war period, namely, its economic policy during the transition from the Weimar Republic to the Nazi dictatorship. The author proves that the economic

policy of Nazis had nothing in common with the theory of John. M. Keynes appeared in the West in the 1930-s. Only external resemblance of Keynesian economics with the policy of social democratic government of the Weimar Republic could be observed.

Keywords: Weimar Germany, the Great Depression, economic policy, totalitarianism, economic development of Germany, capitalism.

После окончания «холодной войны» интерес в отечественной науке к истории социально-экономического развития нацистской Германии заметно упал, хотя в этой области остается много дискуссионных сюжетов. Один из них — это вопрос, какой была сущность хозяйственного порядка при нацистском режиме. Дискуссия о том, был ли в нацистской Германии капитализм или это была некая своеобразная форма хозяйственного порядка, ведется давно. Режиму Гитлера нередко приписывают политику, которая очень похожа на кейнсианство [3, с. 74]. При таком подходе Гитлер наряду с Рузвельтом рассматривается как первый кейнсианец-практик в экономической политике. Есть и еще более крайние подходы: указывая на элементы общенационального планирования в национал-социалистической Германии, ее хозяйственный порядок сближают с «реальным социализмом» в СССР.

Западные исследователи, которые ищут что-то необычное в немецком хозяйственном порядке в 1933–1945 гг., пытаются, на наш взгляд, смешать экономику с политикой. Они стараются доказать, что политический строй нацистов не вписывается в контекст общества, имеющего рынок и частную собственность, ведь последние являются атрибутом западных демократий. Мы же попытаемся доказать, что это — заблуждения. Отталкиваясь от недавних работ западных историков-экономистов [4; 5] и опираясь на некоторые архивные материалы, попробуем обосновать точку зрения, что на самом деле гитлеровский режим был в своей ос-

нове проявлением вполне консервативных подходов, типичных для ортодоксов-рыночников.

Гитлер — кейнсианец?

Для опровержения «кейнсианства» Гитлера было бы достаточно вспомнить, что Дж.М. Кейнс был *противником снижения зарплаты* как меры для преодоления рецессии. Антикризисная же политика нацистского режима была направлена, наоборот, именно на снижение оплаты труда в промышленности. Вопрос оплаты труда в Германии находился в ведении профсоюзов и работодателей; естественно, они устанавливали периодически внутрифирменные соглашения на этот счет. Однако эта схема «не очень» нравилась немецким корпорациям (как, впрочем, она не устраивала бизнес во всех индустриальных странах). Особенностью немецкой схемы оплаты труда было еще и то, что под зарплатой понимался в Веймарской республике только оклад, стимулирующие же надбавки не были популярны. Было ли это результатом воздействия «красных» профсоюзов на работодателей, или данью традиции, трудно определенно сказать. После упразднения профсоюзов в нацистской Германии корпоративные тарифы по оплате труда тоже были устранены в законодательном порядке. Зарплату в промышленности фактически «заморозили» через механизм перераспределения ресурсов в пользу инвестиций и военного производства [3, с. 81], в 1939 г. это было оформлено законодательно. Введение в 1935 г. трудовых книжек и ограничений на смену места работы дополнительно ограничили рост оплаты труда.

Чтобы привлечь работников, промышленные компании стали активно развивать практику стимулирующих надбавок [3, с. 82] и социальных льгот. Последняя, в принципе, поощрялась нацистскими органами, контролировавшими труд. На предприятия, вопреки традициям Веймарской республики,

вводилась состязательность между рабочими за более высокую выработку и качество труда. Нацисты даже устраивали показательные соревнования мастерства между молодыми рабочими. В результате заработка отдельных групп рабочих (своего рода «стахановцев») существенно росли на фоне медленного роста средней оплаты труда в экономике. Таким образом, мы имеем дело со смешанным явлением в экономической жизни. С одной стороны, государство «заморозило» зарплату, хотя ее рост, вопреки всем этим мерам, все-таки имел место. С другой стороны, нацистский режим демонтировал профсоюзы, которые мешали корпорациям устанавливать тот уровень оплаты труда, какой они считали для себя выгодным. Доля оплаты труда в национальном доходе после 1933 г. стала снижаться, что укладывается в рецептуру борьбы с рецессией консерваторов-рыночников — снижать расходы на труд в условиях спада в экономике. Таким образом, мы имеем дело с фактически консервативной формой подхода к труду в политике нацистского режима. Ничего общего с кейнсианством здесь нет, мы видим полную ему противоположность.

Другим постулатом Дж.М. Кейнса было *наращивание государственных расходов* как инструмент выведения экономики из депрессии. Вроде бы, на первый взгляд, нацисты следовали этому принципу. Но это только на первый взгляд. Вспомним, что у руля экономики вплоть 1938 г. стоял консерватор Яльмар Шахт, который, правда, сам себя считал себя умеренным либералом. Как и все экономисты консервативных взглядов, Я. Шахт был противником инфляционных методов стимулирования роста экономики. Именно на этой почве он поссорился с Г. Герингом и подал в отставку с должности председателя Рейхсбанка.

У роста государственных расходов в нацистской Германии была официальная цель — победить безработицу посредством искусственного увеличения заня-

тости. Истинная цель, которая также стала официальной вскоре после лета 1933 г., — наращивание выпуска военной продукции. Однако именно с этим были проблемы, так как Веймарская республика не оставила соответствующих валютных резервов для закупки стратегического сырья. Система клиринговых расчетов заработает эффективно не ранее 1938 г. Чтобы преодолеть дефицит товаров стратегического назначения, нацистский режим обратился к идеям строительства автаркии в Германии. Ранее такого плана у Гитлера, очевидно, не было, так как решение о «Четырехлетнем плане» было принято только в сентябре 1936 г., когда нацисты осознали, что заработать достаточно валюты немецкой экономике не удастся.

Традиция наращивания государством своих расходов была взята нацистами у Веймарской республики: этот рост начался в первые же годы ее существования и продолжался до конца нахождения социал-демократов у власти. Поэтому, грубо говоря, сам принцип государства, изымающего значительную часть национального дохода через налоговую систему, оставался в Германии неизменным с 1919 г., когда Кейнс только впервые задумался о состоятельности положений неоклассической политической экономии. В 1929 г. налоговые поступления в Веймарской Германии составляли 14,4 млрд RM¹ или 20,4 % национального дохода Германии, а в еще мирном 1938–1939 финансовом году — 17,7 млрд при национальном доходе примерно в 88 млрд RM². Таким образом, перед войной почти 20,11 % национального дохода Германии было изъято государством через налоги, что даже несколько меньше, чем десятью годами ранее, из чего можно заключить, что скорее социал-демократический режим Веймара подходит под опреде-

¹ Российский государственный военный архив (РГВА). Ф. 1458. Оп. 3. Д. 2142. Л. 28.

² Там же. Д. 6. Л. 5.

ление «кейнсианцев в экономической политике», нежели режим нацистский.

Предлагаемая интерпретация экономики фашизма как консервативной позволяет лучше понять, почему промышленно-финансовые круги Германии, отправили в ноябре 1932 г. знаменитое письмо президенту Гинденбургу, призывая его передать власть Гитлеру. Предприниматели надеялись, что новая — право-консервативная — власть сможет стабилизировать экономику Германии, в отличие от социал-демократического режима, который в годы Великой депрессии только наращивал социальные расходы, превратив государственный бюджет в «пылесос», выкачивавший из экономики с каждым кварталом все больше и больше денег. Остановить кризис в Германии такими методами было однозначно нельзя, так как этот кризис во многом был вызван не действиями Великой депрессии в далекой Северной Америке, но внутренними процессами в экономике Германии. В частности, следует обратить внимание на избыток капиталовложений в муниципальное строительство, а также резкое повышение налогов на бизнес, что сопровождалось увеличением социальных расходов государства наравне с наращиванием внутреннего долга [2, с. 118–135].

Что такое правый консерватизм в сфере экономических вопросов в начале 1930-х гг.? Это — во многих отношениях позиция строгой защиты законов рынка и принципа неприкосновенности частной собственности, что на практике означает уменьшение налогового бремени на рынок, снижение влияния профсоюзов и уменьшение социальных расходов. Означал ли правый консерватизм нацистов, что они отстаивали именно идею уменьшения государства в экономике и были ли они реально консерваторами? Современные исследователи К. Буххайм и Й. Шернер [5] отвечают однозначно, что «да». И в этом с ними можно согласиться.

Экономика фашистской Германии — плановая?

По мнению А. Грациози [1], планирование в экономике стало ответом в конце Первой мировой войны на неудачи на фронте, которые терпели практически все воюющие стороны. С тех пор и началось наступление на господствовавший на Западе экономический либерализм, что затронуло практически все стороны жизни общества. По сути, концепция «ответа — вызова» А. Тойнби была применена А. Грациози к объяснению социальных, экономических и политических процессов в Европе 1914–1945 гг. Россия, по мнению А. Грациози, как наиболее пострадавшая в ходе Великой войны, стала образцом плановой экономики и тотального государства, которое контролировало практически все стороны жизни индивида (вплоть до его личной жизни). Германия пострадала меньше, поэтому, следуя логике А. Грациози, ее политика хоть и была направлена на демонтаж либерального рынка при помощи планирования, но все-таки не так, как в России.

На наш взгляд, точка зрения Грациози крайне преувеличивает плановые институты фашистской Германии. Следует согласиться с К. Буххаймом и Й. Шернером, что нацистский режим, судя по его действиям, изначально отнюдь не стремился к построению плановой экономики в Германии. Перелом произошел только после катастрофы вермахта в битве за Москву, когда, как и во время Первой мировой войны, к планированию пришлось переходить из нужды, а отнюдь не по идейным соображениям. Меры, предпринятые нацистским режимом для вывода Германии из Великой депрессии, едва ли можно назвать системой плановых реформ.

К. Буххайм и Й. Шернер приводят пример регулирования нацистскими чиновниками текстильной промышленности как яркий пример экономической политики Германии 1933–1939 гг. С весны 1934 г. приобретение сырья текстильными фабриками стало ре-

гулироваться нацистским режимом. В 1936 г. выбор основного сырья текстильщиков был ограничен 6 видами волокон. Но в выборе ассортимента продукции фабрики остались независимыми. Одновременно нацистские чиновники ввели режим приоритетного распределения сырья для предприятий, чьи ткани отвечали стандартам высшего качества. Эти меры, в принципе, не могли снизить прибыли текстильных компаний, которые продолжали работать при нацистском режиме как абсолютно частные предприятия. Даже с учетом регулирования отпускных цен не было нарушений в работе текстильной промышленности — во многом благодаря тому, что существовало много законодательных исключений для правила фиксированной цены.

Четырехлетний план 1936 г. не шел ни в какие сравнения с советскими пятилетками, охватывающими производство *всех* товаров. Задачи четырехлетнего плана сводились лишь к увеличению выпуска *отдельных* сырьевых товаров, чтобы заменить ими импорт. Немецкие фирмы до войны пользовались широкой самостоятельностью. К. Буххайм и Й. Шернер не нашли фактов, свидетельствующих о систематическом принуждении правительством немецких фирм к выполнению государственного заказа. Выдающееся «исключение из правил» произошло в августе 1937 г., когда немецкие металлурги получили официальное *требование* обслуживать военные заказы. Симптоматично, что стоявший за этим решением Г. Геринг сам назвал данный акт жесткой мерой. Но и в годы войны немецкая металлургия пользовалась широкой автономией от государства. В ноябре 1941 г. председатель объединения металлургических предприятий Эрнст Поенсен заявил ответственному за распределение металлов в рейхе генералу Герману фон Ханнекену, что немецкие металлурги более не могут увеличивать выпуск для удовлетворения военного заказа и хотели бы производить свою продукцию для

экспортирующих компаний. Только в 1943 г. было покончено с правом частных фирм на отказ от выполнения военного заказа.

Самое важное — немецкие фирмы до войны сохраняли полную свободу в выборе инвестиционных решений. Рынок капитала хоть и был контролируемым государством, но не настолько, чтобы говорить о каких-то серьезных попытках построить плановую экономику в довоенной нацистской Германии. Характер инвестиций после 1936 г. в текстильной промышленности, как отмечают К. Буххайм и Й. Шернер, показывает, что деньги стали вкладываться в производство высококачественных тканей, так как их производство было условием получения от государства повышенных квот на сырье. Несмотря на наложенное в 1934 г. ограничение на расширение мощностей в текстильной промышленности, инвестиции в этой отрасли осуществлялись с той же динамикой роста, что и в остальных отраслях экономики.

Хотя в целом немецкие фирмы были свободны в принятии инвестиционных решений, существовали исключения. Таким примером, как думают К. Буххайм и Й. Шернер, является Braunkohle-Benzin AG (BRABAG) — производитель искусственного топлива в Германии. Этой фирме был сделан принудительный заем, по решению правительства рейха, для наращивания производственных мощностей. К. Буххайм и Й. Шернер сравнивают эту меру с законом ФРГ 1952 г. о принудительном кредитовании тяжелой промышленности страны [5, р. 401]. Но, как и в ФРГ, эта мера стала исключением из правил в экономической политике нацистского режима. После 1936 г. немецкие фирмы нередко демонстрировали отказ от участия в инициированных государством инвестиционных проектах. В частности, знаменитая IG Farben отказалась от расширения выпуска вискозы весной 1939 г. В работе К. Буххайма и Й. Шернера приводятся и другие фак-

ты оппортунистического по отношению к государству поведения немецких фирм.

Немецкие исследователи убедительно показали на примере истории с приватизацией, что нацистский режим до войны отстаивал идеалы не нового, «социалистического», а старого хозяйственного порядка. В 1936–1937 гг. была осуществлена приватизация «Немецкого», «Дрезденского» банков и банка «Коммерции». Правительство владело ими с 1931 г., когда эти крупнейшие немецкие финансовые организации были спасены через вливания бюджетных денег [5, р. 406], что, впрочем, не спасло ни немецкую экономику от Великой депрессии, ни Веймарскую республику от полного политического коллапса. В 1936 г. рейх распродал принадлежавшие ему акции «Объединенных металлургических предприятий». И уже во время войны, в 1940 г., Генсхагенский авиадвигательный завод был продан государством фирме «Даймлер-Бенц», которая приобрела у рейха контрольный пакет акций завода.

Такое отношение к частной собственности в нацистской Германии имело свои корни в воззрениях на этот институт у самих фюреров рейха. В частности, сторонником минимального вмешательства государства в промышленность был Г. Геринг, насчет чего он высказывался абсолютно открыто. Эта позиция нацистского режима нашла свое отражение и в законах рейха. Параграф 48 Закона о бюджете и параграф 60 о Хозяйственном поведении в рейхе содержали указание, что государство имеет право воздействовать на частный сектор *только* в случае необходимости и когда все иные меры недействительны. Но даже тогда государственные органы должны были получить разрешение министра финансов. Эти нормы законодательства рейха были сознательно сохранены как наследство Веймарской республики в угоду умеренным — тем, кто выступал в рамках системы нацистского режима *против* плановой экономики,

национализации и жесткого регулирования производства. К таковым относились министр финансов нацистской Германии Я. Шахт, а также Г. Геринг. Эти люди, различаясь по своим жизненным взглядам, во многом сходились в видении экономической политики государства.

Известно, правда, что Я. Шахт в 1937–1938 гг. конфликтовал с Герингом по вопросам бюджетных расходов. Однако этот конфликт возник по поводу технической стороны государственного регулирования, но не по вопросам его базовых принципов. Данный вывод подтверждается тем, что Г. Геринг был вынужден в октябре 1944 г. смириться с отказом Министерства финансов разрешить реструктуризацию долгов авиастроительных предприятий. Конечно, термин «умеренные» можно употреблять, говоря о нацистах, только условно. Не следует забывать, что нацистская доктрина рассматривала частную собственность как фактор развития «германской расы», — именно так высказывался крупный чиновник Министерства экономики и известный нацистский активист О. Олендорф в конце осени 1943 г. Мысли этого нацистского функционера не противоречили взглядам Г. Геринга, который считал, что частный бизнес обеспечивает эффективное управление промышленностью (в первую очередь он имел ввиду авиационную промышленность).

Существенные элементы институтов планирования можно, при желании, увидеть в нацистских программах гражданского строительства. В Германии до войны это было важной частью государственной социальной политики — выдвигался лозунг «каждой семье по квартире». Пришедшие к власти на волне фобий перед социальной революцией высших слоев буржуазии и среднего класса нацисты вполне осознавали потребность рабочих Германии в личном индивидуальном жилье. Ими была запущена одна из самых дорого-

стоящих в истории Запада до Второй мировой войны строительных программ.

Объявление начала массового строительства жилья для простых немцев спровоцировало небывалый энтузиазм среди инвесторов. По всей стране были сформированы фонды, финансировавшие строительные проекты в городах. Министерство финансов было сначала заинтересовано в снижении процента по кредиту для фирм-застройщиков. Как утверждали специалисты из «Немецкого строительного банка» в 1938 г., строители получали кредит под 4,5 %¹. Это было вызвано конкуренцией между кредитными организациями, и такой процент считался однозначно низким. Кредиторов влекла быстрая возвратность кредитов. Однако было и государственное давление на кредитный рынок: согласно принятому Министерством финансов решению от 12 апреля 1935 г., кредит на жилье должен был предоставляться при условии не более 5 %². 7 июня 1939 г. был принят закон, согласно которому кредит на строительство жилья не должен был предоставляться под более, чем 4 %, что вызвало протест генерального директора Мюнхенского банка Делемана, который охарактеризовал этот закон как «инфляционный»³.

Переход от сдерживания инфляции к ее поощрению тоже вполне объясним политическими факторами. Если в апреле 1938 г. Гитлер не был уверен, что западные союзники останутся в стороне в случае агрессии против Чехословакии, то после Мюнхенских соглашений и уничтожения Чехословакии нацистский режим стал гораздо более уверенным в самоизоляции Британии и Франции от дел в Восточной Европе. Гипотеза о влиянии внешнеполитических изменений на решения в пользу инфляционного стимулирова-

¹ РГВА. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 1000. Л. 5.

² Там же. Л. 6.

³ Там же. Л. 49.

ния жилищного строительства подтверждается и тем, что на совещании финансистов 19 декабря 1938 г. министр финансов Лутц Шверин фон Крозиг (который возглавлял министерство с 1932 г.) принял решение об увеличении финансирования строительства жилья с 200 до 900 млн RM¹.

История с «народным жильем» показывает нам несколько иную сторону экономической политики нацистского режима. Здесь мы действительно видим элементы планирования, когда бургомистрам предписывалось вводить в строй определенное количество жилья при определенных нормах государственного финансирования строительных проектов. Однако муниципальные власти в Германии были всегда тесно связаны с центральной властью, являясь, по сути, частью государства. Таким образом, государственные программы по строительству не выходили за рамки традиционно принятых в Германии границ. Новым моментом стало регулирование ставки процента. Но является ли государственное регулирование процента наступлением на капитализм? Нацисты ввели административное регулирование процента по кредитованию строительной отрасли, но при этом к финансированию строительства допускались и частные инвесторы. В США регулирование ставки процента уже на макроуровне стало практиковаться при Ф.Д. Рузвельте, но только набор инструментов для этого у его администрации был шире. Осуществлявшаяся в США банковская реформа была куда более радикальной мерой, нежели простое «замораживание» процента по отдельным видам кредита.

Нацистское «экономическое чудо»?

Поставим в заключение вопрос, произошло ли в Германии при Гитлере «экономическое чудо», похо-

¹ РГВА. Ф. 1458. Оп. 1. Д. 999. Л. 68.

жее на результат объективно про-кейнсианского «нового курса» Ф.Д. Рузвельта в США? Термин «экономическое чудо» подразумевает, что некая новая политика вопреки ряду объективно сложившихся факторов ведет к росту экономики, подобно тому, как гениальный план сражения ведет к победе над гораздо более сильным противником.

Однако, как мы продемонстрировали, Гитлер в основном *продолжал* политику Веймара в сфере экономики. (Исключения составили реформа рынка труда и преобразования в сельском хозяйстве, которые до некоторой степени нельзя назвать прямым наступлением на рынок). Ответ на вопрос, почему Германия вышла из Великой депрессии с заметно усилившейся экономикой, лежит в совершенно другой плоскости, нежели анализ антикризисных мер правительств социал-демократов и национал-социалистов.

Германия импортировала в первую очередь сырье и продовольствие, оплачивая его валютой. Помимо сырья импортировалась и готовая продукция, например, текстиль. Внутренний рынок оставался в значительной степени непривлекательным для немецких фирм из-за низкой покупательной способности населения. Меры по замораживанию зарплат способствовали замедлению роста производства товаров народного потребления; прирост их выпуска составил в 1938 г. 8,6 %, по сравнению с 1928 г.¹ Дефицит валюты осознавался немецкими экономистами и политиками как фактор сдерживания развития страны. Ответом на этот вызов могло стать расширение импортозамещающих производств. Практически исчерпание к 1933 г. валютных резервов Германии еще более подтолкнул государство и промышленников к развитию

¹ Deutsche wirtschaftliche Lage an der Jahreswende 1938/1939. Überreicht von der Reichs-Kredit-Gesellschaft Aktiengesellschaft. Berlin, 1939. S. 11.

своего — пусть более дорогостоящего — производства сырья и полуфабрикатов. Именно импортозамещение способствовало восстановлению платежного баланса и оживлению национального производства, на которое теперь так сильно не давил импорт. Так, если в 1928 г. в Германии было добыто 6,75 млн т железной руды, то только в первые 9 месяцев 1938 г. этот показатель составил 8,2 млн т¹. К началу Второй мировой войны Германия могла обеспечить себя на 75–80 % топливом собственного производства из сырья, заменяющего нефть.

Эти и другие достижения строительства автаркичной национальной экономики не были бы достигнуты, если бы не острая потребность в них экономики Германии и не ситуация, когда другого выбора просто не существовало. Ведь к 1933 г. валютные запасы Германии были растрочены социал-демократами, и в условиях всемирной депрессии получить ее было очень проблематично. Однако оживление в немецкой экономике после 1932 г. привело к тем же результатам, что и в 1924–1929 гг. — росту импорта, который нацисты тщетно пытались сдержать. В 1938 г. объем импорта составил в Германии 6,1 млрд RM, но экспорт в это же время упал ниже 6 млрд RM². Рост суммарной стоимости импорта происходил в основном за счет товаров конечного потребления. В сочетании с увеличением затрат на строительство и выпуск продукции военного назначения рост немецкой экономики после 1933 г. с течением времени должен был обернуться новым кризисом.

Разумеется, новый кризис экономики Германии, который уже начал назревать во втором полугодии 1938 г., мог быть смягчен рядом административных мер. Тем не менее, избежать спада в зависимой от импорта сырья промышленности было невозможно.

¹ РГВА. Ф. 1458. Оп. 3. Д.1. Л. 10.

² Там же. Л. 12.

К тому же Германия становилась все сильнее зависимой от импорта продовольствия в силу роста рождаемости после 1933 г. и приема новых граждан из числа жителей Австрии и Судет. Резюмируя все сказанное выше, можно сказать, что экономика Германии в межвоенный период представляла собой уникальный случай, когда поведение макроэкономической системы было жестко зависимо от внешней торговли и платежного баланса. В этой связи едва ли рецептура Кейнса, даже если она действительно в том или ином виде применялась, могла принести пользу Германии и спасти демократию в 1933 г.

Немецкая экономика была построена на принципе: «больше продай, чтобы больше купить», и это превращало ее рост в источник роста спроса на импортные товары при одновременном росте стоимости факторов производства внутри страны. В итоге импорт давил на национальное хозяйство, провоцируя кризисы перепроизводства в ведущих сегментах экономики.

* * *

Итак, историко-экономическая наука до сих пор едва ли может дать четкое определение характера экономики Германии при нацистах и об экономической политике национал-социалистического режима, если исходить из традиционных типологий экономических систем. Наступление на профсоюзы и права рабочих укладывается в схему борьбы с левыми в рамках право-консервативного движения в капиталистических странах. Здесь мы вряд ли можем найти что-то принципиально уникальное и присущее только нацистской Германии. Стратегия занижения заработной платы в условиях спада в экономике прямо противоречит кейнсианству. Поэтому нельзя утверждать, что нацистская экономическая политика была чем-то сродни кейнсианству; она была его полной противо-

положностью. Еще дальше она была от «планомерного социализма».

Не следует преувеличивать и успех экономической политики Гитлера. Попытки развития импортозамещающих производств дали эффект только к 1939 г. Правда, затраты на дорогостоящие проекты импортозамещающих производств создали новые проблемы — дефицит ресурсов и сокращение в результате этого экспорта готовой продукции, что сокращало золотовалютные резервы Германии. Повторение нацистами старых рецептов в экономической политике (только несколько одобренных нацистской идеологией) в итоге должно были породить новый кризис. «Спасением» стало начало Второй мировой войны. В противном случае нацистское «экономическое чудо» успело бы смениться спадом.

Список использованной литературы

1. Грациози А. Война и революция в Европе : пер. с итал. / А. Грациози. — М. : РОССПЭН, 2005. — 285 с.
2. Попов Г. Г. Как плохие институты и политика разрушают экономику. Пример Веймарской Германии / Г. Г. Попов // Journal of Institutional Studies (Журнал институциональных исследований). — 2013. — Т. 5, № 2. — С. 118–135.
3. Фрай Н. Государство фюрера: Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945 : пер. с нем. / Н. Фрай. — М. : РОССПЭН; ГИИМ, 2009. — 255 с.
4. Baten J. Making Profits in Wartime: Corporate Profits, Inequality, and GDP in Germany during the First World War / J. Baten, R. Schulz // The Economic History Review. — 2005. — Vol. 58, no. 1. — P. 34–56.
5. Buchheim C. The Role of Private Property in the Nazi Economy: The Case of Industry / C. Buchheim, J. Scherner // The Journal of Economic History. — 2006. — Vol. 66, no. 2. — P. 390–416.

Информация об авторе

Попов Григорий Германович — кандидат экономических наук, доцент, кафедр экономики Московского технологического института. 119334, г. Москва, Ленинский проспект, 38-а, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Author

Popov Gregory Germanovich – PhD in Economics, Associate Professor of Department of Economics, Moscow Technology Institute, 38-a, Leninskiy prosp, Moscow, 119334, e-mail: GGPopov2009@mail.ru.

Библиографическое описание статьи

Попов Г. Г. Хозяйственный порядок при нацистском режиме в Германии: социализм, кейнсианство или консерватизм? / Г. Г. Попов // Историко-экономические исследования. — 2014. — Т. 15, № 2. — С. 351–368.

Reference to article

Popov G. G. Economic order during the Nazi regime in Germany: Socialism, Keynesianism or Conservatism? *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya = Journal of Economic History & History of Economics*, 2014, vol. 15, no. 2, pp. 351–368.